

Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: нужно ли возвращаться к французской типовой модели?

С. Б. Россинский

Институт государства и права РАН,
Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, 10

Для цитирования: Россинский, С. Б. 2024. «Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: нужно ли возвращаться к французской типовой модели?» *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 1012–1025.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.406>

Настоящей статьей автор продолжает цикл публикаций, посвященных проблемам, тенденциям и перспективам дальнейшего развития системы досудебной уголовной юстиции РФ. Рассматриваются возможности повторного внедрения в национальные механизмы предварительного расследования уголовного дела уже использовавшейся французской типовой модели досудебного производства, основанной на дифференциации полицейского дознания и процессуальной деятельности специальных судебно-следственных чиновников. Раскрываются основные достоинства данной модели в современных реалиях российского социума и российской государственности: ее предрасположенность к традиционным потребностям большинства населения в сфере борьбы с преступностью, а также способствование преодолению целого ряда доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, возникших вследствие постепенных советских преобразований дореволюционной системы уголовной юстиции. Одновременно исследуются недостатки такой модели, в частности тяжеловесность, длительность, заформализованность и, как следствие, высокая стоимость содержания и функционирования судебно-следственного аппарата. Кроме того, принимаются во внимание географические и демографические особенности РФ. Наконец, подробно рассматриваются обнаруженные автором статьи архивные документы, свидетельствующие о неоднозначных и даже весьма негативных оценках практики реализации аналогичных механизмов в дореволюционный период. В результате формулируется вывод о явной неприемлемости для современного российского общества и государства вектора дальнейшего развития досудебной уголовной юстиции по классическим французским канонам, в частности реставрации некогда существовавшего корпуса специальных судебно-следственных чиновников, наделенных всей полнотой (по крайней мере подавляющим большинством) властных полномочий в сфере расследования уголовных дел. Вместе с тем утверждается, что необходимо сохранение отдельных элементов французской типовой модели досудебного производства.

Ключевые слова: досудебное производство, полномочия следователя, предварительное расследование, континентальный уголовный процесс, следователь, следственный судья, судебный следователь, французское досудебное производство.

1. Введение

Некоторое время назад в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» были опубликованы итоги проведенного автором настоящей статьи научного исследования, посвященного выявлению исторических предпосылок, предопределивших современную российскую модель досудебного производства по уголовному делу (Россинский 2021). В результате подробного анализа вектора развития механизмов, направленных на обеспечение возможности выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии (обвинения), содержания и динамики соответствующих изменений уголовно-процессуального законодательства и преобразований судебных и правоохранительных органов за последние сто с небольшим лет, а также посредством проведения сравнительных параллелей с рядом наиболее известных зарубежных правопорядков был сформулирован вывод о постепенном формировании особой, самобытной, уже достаточно сильно отличающейся от иностранных, в первую очередь имеющих романо-германские корни, аналогов национальной системы уголовной юстиции. Утверждалось, что эта система предполагает достаточно хаотичное смешение и переплетение множества самых разных, в том числе плохо сочетаемых, элементов, свойственных разным типовым моделям досудебного производства (расследования): французской, немецкой, англосаксонской и др., поскольку изначально основана на интеграции функции полиции и функции юстиции, на отнесении к ведению одних и тех же правоохранительных органов (зачастую одних и тех же должностных лиц) как сугубо полицейских, так и судебно-следственных (юрисдикционных) полномочий. Говорилось, что именно в такой интеграции различных по предназначению функций и кроются подлинные причины возникновения большинства никак не поддающихся разрешению извечных доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем досудебного производства, например связанных с задержанием подозреваемого, с использованием в доказывании результатов непроцессуальной деятельности, а также причины внедрения в уголовный процесс специфических изобретений советской правовой мысли, в первую очередь пресловутой стадии возбуждения уголовного дела. Одновременно высказывалось предположение о возможности устранения всех подобных проблем не посредством внесения точечных поправок в уголовно-процессуальный закон, а лишь путем изменений самих концептуальных подходов к досудебной уголовной юстиции при условии четкого понимания перспектив ее развития в соответствии с нуждами и интересами российского социума и государства. Причем поставленный в связи с этим вопрос о характере и содержании предполагаемых изменений так и остался открытым — к решению столь серьезной, неоднозначной, требующей поиска дополнительных доводов научной задачи было решено вернуться позднее.

За прошедшее время интерес к данной научной проблематике только усилился — автор постоянно возвращался к анализу причин, предопределивших формирование российской системы досудебной уголовной юстиции, и размышлениям о перспективах ее развития, старался участвовать в полемических обсуждениях указанных вопросов со своими коллегами в ходе проведения конференций, круглых столов, иных научно-представительских мероприятий, вступал в дискуссии на страницах монографических и периодических изданий. В итоге высказанные

несколько лет назад суждения были подкреплены рядом дополнительных аргументов, отшлифованы, а некоторые из них, напротив, частично пересмотрены и переосмыслены. Ответ на вопрос о концептуальных подходах к досудебной уголовной юстиции уже перестал казаться столь сложным и неоднозначным — выдвинутые ранее не вполне ясные научные гипотезы постепенно приобрели более внятные контуры, превратились в обусловленные должным уровнем убежденности доктринальные позиции. Обобщенному изложению некоторых из них для последующего представления на строгий суд юридической общественности и посвящена настоящая статья.

2. Основное исследование

2.1. *Общие концептуальные подходы к развитию российской модели досудебной уголовной юстиции*

Какими же видятся концептуальные подходы к национальной модели досудебной уголовной юстиции и, следовательно, перспективы ее развития?

Приступая к ответу на этот вопрос, сразу обратим внимание на аксиоматичность, т. е. своеобразную доктринальную презумпцию идеи об общей приверженности российского уголовного судопроизводства именно к европейским публично-правовым канонам, к правовой ауре, свойственной для христианской цивилизации, некогда возникшей в западной части Евразии, а затем в ходе колониальной экспансии распространившейся на многие другие области и континенты. Конечно, сугубо теоретически допустимы и принципиально иные гипотезы — о наибольшей приемлемости для российской государственности каких-то еще концептуальных подходов к механизмам рассмотрения и разрешения уголовно-правовых конфликтов. В частности, можно высказать предположения о разумности возвращения к архаичной, свойственной раннефеодальному обществу частноисковой форме уголовной юстиции либо о полной реставрации присущего позднему феодализму и абсолютизму инквизиционного (следственного либо розыскного) типа осуществления уголовной репрессии. Можно выдвинуть и более экзотические версии, например о целесообразности использования парадигмы основанного на канонах шариата исламского уголовного процесса, особенно с учетом многонациональности российского социума и его исторического формирования на стыке западной и восточной сфер влияния.

Однако реальное воплощение всех подобных идей в практику уголовной юстиции видится настолько маловероятным, что вряд ли заслуживает серьезного доктринального осмысления, по крайней мере в современных реалиях развития российского общества и государства, ведь в силу ряда объективных и достаточно понятных причин, выраженных в явном превалировании христианства и многолетней направленности российской политики на сближение с западным миром, базовые европейские каноны уголовного судопроизводства уже так фундаментально внедрились в национальную правовую среду, так глубоко укоренились в сознании всех слоев населения, в том числе представителей различных ветвей власти, что воспринимаются как непреложные юридические традиции, как бесспорные, само собой разумеющиеся постулаты. Поэтому их глобальная ломка может привести

к самым непредсказуемым и плачевным последствиям, а затем — к неизбежному осознанию потребности в их реставрации, аналогично тому, как это происходило в первые месяцы советской власти (Чучаев 2023, 8–52). Следовательно, аксиоматичность идей о сохранении общей приверженности российского уголовного процесса в целом и его досудебного этапа в частности к европейским канонам представляется более чем очевидной.

Таким образом, сегодня любые предлагаемые концепции развития национальной системы досудебной уголовной юстиции должны предполагать определенную преемственность по отношению к одной из известных типовых моделей. Допустимыми видятся и различные вариации, предполагающие приемлемое для использования в правоприменительной практике сочетание подходов, свойственных сразу двум подобным моделям, но лишь в пределах четкой продуманности и разумного баланса между ними, в первую очередь при отказе от попыток интеграции плохо совместимых либо прямо противоречащих друг другу условий и механизмов работы обладающих соответствующими полномочиями государственных органов и должных лиц.

Вместе с тем каждой из этих типовых моделей присущи как бесспорные достоинства, так и существенные недостатки, без подробного рассмотрения которых, в том числе без их сравнения между собой и сопоставления с реалиями российского общества и государства, любые доктринальные выводы и предложения по изменению подходов к системе досудебной уголовной юстиции будут голословными, необоснованными, а значит, не обладающими должным ресурсом для возможности выдвижения соответствующих правотворческих инициатив. В соответствии с замыслом настоящей статьи, указанные вопросы требуют самого пристального внимания. К сожалению, ограниченный объем не позволяет заострить внимание на всех существующих в мировой практике европейско-ориентированных типовых моделей досудебного производства (расследования) — для комплексного освещения достоинств и недостатков каждой из этих моделей в целях осознания приемлемости либо неприемлемости их использования в российской правоприменительной практике потребуется целый цикл самостоятельных статей или раздел научной монографии. Поэтому замыслом предлагаемой статьи охватывается лишь одна из подобных моделей, условно называемая французской.

2.2. Французская типовая модель досудебного производства и национальный опыт ее использования

Итак, французская типовая модель досудебного производства в целом основывается на дифференциации непроцессуального полицейского дознания и процессуальной деятельности особых судебных чиновников: судебных следователей, следственных судей и т. п. — должностных лиц, обладающих подлинной юрисдикционной правосубъектностью, в том числе способных формировать изначально пригодные к дальнейшему использованию в судебном заседании доказательственные активы (доказательства), давать правовую оценку (квалификацию) содеянного, выносить имеющие юридические последствия правоприменительные решения. Например, в современном уголовном судопроизводстве Франции роль следственных судей сводится к проведению требуемых процессуально-познавательных дей-

ствий и собиранию доказательств, к рассмотрению и разрешению ходатайств прокуроров, защитников, других участвующих лиц, к формированию и передаче в суд первой инстанции материалов завершённых расследований и т. п. (Головки 2016, 188). Испанские следственные судьи фактически прямо руководят досудебными производствами, несут персональную ответственность за установление обстоятельств произошедшего, контролируют законность работы специально созданной судебной полиции и прокуратуры по собиранию необходимых сведений и материалов (Самарин, Луцки 2018, 655). Достаточно близкие, но предполагающие определённую вариативность подходы к расследованию уголовных дел свойственны и некоторым другим государствам, входящим в романо-германскую правовую семью.

Французская типовая модель досудебного производства восходит к классическим правилам предварительного следствия континентального (романо-германского) типа, получившим официальное признание на рубеже XVIII–XIX вв. и впервые легально отражённым в знаменитом Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. (Кодексе Наполеона) — знаковом кодифицированном правовом акте, подготовленном командой буржуазных юристов-реформаторов под руководством графа Ж.-Б. Трейяра и служившем французской уголовной юстиции в течение последующих 150 лет (вплоть до 1958 г.). Для своего времени указанные правила оказались настолько удачными и прогрессивными, настолько хорошо вписались в общие тенденции развития романо-германского права, что в дальнейшем были приняты во многих иных государствах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, а в ряде стран продолжают использоваться, хотя и с некоторыми изменениями (Смирнов 2000, 158). Вероятно, такому широкому распространению классических французских канонов досудебного производства поспособствовали и другие факторы, в первую очередь геополитические. Вполне очевидно, что отдельные государства, княжества и герцогства континентальной Европы начали впитывать указанные каноны вследствие попадания в экспансионную зависимость от Французской империи во время наполеоновских войн. Прочие континентально-европейские страны по ряду причин просто оказались в зоне сильного французского влияния, тогда как дальнейшее распространение подобных правил, несомненно, было связано с колониальной политикой Германии, Италии, Испании, Португалии, все той же Франции, других континентально-европейских метрополий.

Российская империя не стала исключением. Будучи ориентированными именно на французские социально-культурные ценности, участвовавшие в подготовке и претворении в жизнь известной судебной реформы 1860-х годов представители российской политической и юридической элиты также постарались обеспечить максимальную степень преемственности новой на тот момент национальной модели досудебного производства по отношению к классическим канонам предварительного следствия континентального (романо-германского) типа. Легализованная в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и некоторых других нормативных актах дореволюционная система досудебной уголовной юстиции сводилась к функционированию учреждённого четырьмя годами ранее корпуса судебных следователей, осуществляющих расследование уголовных дел при содействии полиции и под наблюдением прокуроров (товарищей прокуроров).

Более того, невзирая на обусловленное начавшимися в 1917 г. известными политическими катаклизмами учреждение временных органов революционной,

в том числе трибунальной юстиции и введение в действие эфемерных, так называемых декретных правил революционного судопроизводства, уже через несколько лет возникли тенденции, связанные с реставрацией дореволюционных механизмов досудебного производства, в первую очередь с возрождением корпуса обладающих индивидуальной юрисдикционной правосубъектностью судебных чиновников, в дальнейшем называвшихся народными следователями. Эти тенденции сполна отразились в Положении о судостроительстве РСФСР 1922 г., в пробном Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. и в принятом всего через несколько месяцев обновленном Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. В дальнейшем они оказали существенное влияние на развитие и советской, и постсоветской уголовной юстиции; как неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, несмотря на инкрементальную административизацию предварительного расследования уголовных дел, в частности на передачу соответствующих полномочий в ведение прокуратуры и органов исполнительной власти полицейского типа, сформировавшаяся за последние сто лет национальная система досудебного производства пока что сохраняет множество элементов, свойственных следственной (судебно-следственной) модели французского типа. Ведь, согласно положениям действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ¹ (УПК РФ), следователи и даже дознаватели все еще наделены полноценной юрисдикционной (квазисудебной) правосубъектностью: располагают возможностями формирования изначально пригодных к использованию в судебном заседании доказательств, юридической квалификации установленных обстоятельств, вынесения правоприменительных актов и т. д.

Иными словами, будучи достаточно эклектичной, современная российская система досудебного производства все еще подразумевает традиционную для национальной уголовной юстиции судебно-следственную природу, сохраняет свои «наполеоновские» корни. В связи с этим один из путей ее дальнейшего развития вполне допустимо связать с возвращением к французской типовой модели, в частности к дореволюционным механизмам предварительного следствия, по крайней мере к учреждению, а точнее, реставрации корпуса специальных судебно-следственных чиновников (судебных следователей, следственных судей и т. п.) с передачей в их ведение всех соответствующих юрисдикционно-расследовательских полномочий.

2.3. Достоинства и недостатки реставрации французской типовой модели досудебного производства в современной России

Подобный вектор реформирования досудебной уголовной юстиции позволит выгадать некоторые очевидные предпочтения. Так, во многом основанная на принципах инквизиционности, характеризующаяся весьма высокой степенью публичности французская типовая модель сильнее всего предрасположена к должному уровню гармонизации механизмов досудебного производства с уже ставшими традиционными потребностями российского социума в сфере борьбы с преступностью. Вероятно, эта модель способна максимально оправдать реальные

¹ Здесь и далее все ссылки на российские нормативные правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 23 октября, 2024. <https://www.consultant.ru>.

ожидания подавляющего большинства населения, по-прежнему связывающего подлинное предназначение органов предварительного следствия именно с поиском истины (Давлетов, Азаренок 2023, 107), со стремлением к некоей человеческой, как бы житейской справедливости, соответствующей не столько юридическим законам и правилам, сколько устоявшимся в обществе обычаям, «понятиям», представлениям о добре и зле и т. д. Ведь многие россияне, как и прежде, желают видеть в дознавателях, особенно в следователях, тех самых Порфириев Петровичей или Пал Палычей — принципиальных, строгих, но в то же время радеющих за правду, вдумчивых, понимающих и справедливых «государевых слуг», готовых обстоятельно разобраться в мельчайших подробностях произошедшего и, самое главное, взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение прав и законных интересов «рядовых граждан», не имеющих надлежащей юридической подкованности и правовой культуры, не располагающих финансовыми возможностями для приглашения работоспособных защитников (представителей) и т. д.

Кроме того, очевидно, что реставрация французской типовой модели способствует преодолению целого ряда упомянутых в начале настоящей статьи доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, возникших именно вследствие постепенных преобразований дореволюционной системы досудебного производства. В частности, возвращение к правовому режиму, предполагающему подлинную дифференциацию функций полиции и юстиции, позволит наконец полностью отказаться от стадии возбуждения уголовного дела, устранить извечные споры о природе задержания подозреваемого, об использовании в доказывании результатов непроцессуальной деятельности, о других появившихся за последние сто лет противоречиях досудебной части уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, подобные правотворческие шаги приведут к более четкому разграничению дознания и предварительного следствия, к существенному снижению наблюдаемой в настоящее время неопределенности в полномочиях осуществляющих их должностных лиц, к иным позитивным результатам.

Вместе с тем французской типовой модели досудебного производства присущ целый ряд недостатков, ставящих возможность ее полноценной реставрации для нужд российской уголовной юстиции под большой вопрос. Наиболее существенные из них — тяжесть, длительность, инертность, а значит, высокая стоимость (неэкономичность) механизмов работы классических судебно-следственных чиновников. Ввиду потребности в реализации множества известных процессуальных полномочий, связанных с полным, всесторонним и объективным исследованием имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, с собиранием (формированием) доказательств, с надлежащим обеспечением прав и законных интересов невластных участников уголовного судопроизводства, с выявлением причин и условий, способствующих совершению преступления и т. д., досудебное производство французского типа, по сути, представляет собой череду весьма сложных, трудоемких и сильно заформализованных процедур. Именно в них и кроется сакральный смысл подобной формы расследования, именно с ними и связаны важнейшие процессуальные гарантии, обуславливающие юридическую доброкачественность результатов следственной деятельности, их изначальную пригодность (допустимость) для предстоящего судебного заседания.

Можно по-разному относиться к присущим французской типовой модели досудебного производства инквизиционным началам уголовно-процессуальной деятельности. Можно, присоединившись к известным сентенциям так называемой либеральной общественности, считать их архаичным пережитком «темного прошлого» или, напротив, отбросив идеологические штампы, видеть в них более чем конструктивные и незаменимые для решения задач уголовной юстиции принципы осуществления любых досудебных расследований в любых государствах независимо от правовых традиций соответствующих наций, показателей соотношения публичности и диспозитивности, а также степени развитости правозащитных гарантий. Однако вряд ли кто-либо из специалистов станет оспаривать сложность и высокую трудозатратность подобных механизмов, их предрасположенность к достаточно существенным бюджетным вливаниям. В любом случае «инквизиция» была, есть и останется весьма дорогим удовольствием, предполагающим возложение на общество и государство бремени по содержанию, обеспечению деятельности и надлежащему финансированию многочисленного судебного-следственного аппарата в целом и удовлетворению его функциональных потребностей в частности. Вероятно, именно этим и объясняется не востребованность французской типовой модели досудебного производства в странах англосаксонской правовой семьи, а также возникновение и активное внедрение в мировую практику немецкой модели, основанной на отказе от судебного-следственных процедур формирования позиции государственного обвинения.

Кроме того, сложность внедрения французской типовой модели досудебного производства видится в географических и демографических особенностях России, предполагающих неравномерную, преимущественно низкую плотность населения, в частности существование множества малых населенных пунктов, разбросанных на десятки и даже сотни километров, т. е. расположенных на значительном расстоянии от районных центров и других очагов цивилизации. В таких непростых условиях наблюдаются изрядные трудности даже в части осуществления более привычных механизмов реализации судебной власти по уголовным, гражданским и прочим делам, сводящихся к проведению отдельных судебных заседаний с правом их отложения, объявления достаточно длительных перерывов и т. п. Даже для решения этих задач государство вынуждено учреждать вызывающие серьезные нарекания малосоставные суды, допускать возможность проведения выездных судебных заседаний и пр. Что уж говорить про идеи возрождения корпуса специализированных судебно-следственных чиновников, должных отвечать за предварительное расследование уголовного дела на постоянной основе и готовых практически круглосуточно держать руку на пульсе! Перспективы введения подобных правил на всей территории страны весьма маловероятны.

2.4. Негативные оценки использования французской типовой модели досудебного производства в Российской империи

Существует и еще одно немаловажное обстоятельство, препятствующее избранию французской типовой модели в качестве фундамента для дальнейшего развития и реформирования национальной системы досудебной уголовной юстиции.

Оно состоит в неоднозначных, иногда весьма негативных оценках практики реализации аналогичных механизмов, в частности работы судебных следователей, в дореволюционной России.

Правда, такие оценки многие годы оставались вне зоны внимания юридической общественности, тогда как в большинстве современных публикаций, в особенности принадлежащих перу либерально настроенных авторов, отрицающих и презирующих все, что связано с Октябрьской революцией и советской властью, высказываются совершенно иные точки зрения. Порожденный судебной реформой 1860-х годов феномен судебного следствия рассматривается в качестве неоспоримого блага, панацеи от всех болезней, присущих как николаевско-бенкендорфской, так и советской уголовной юстиции. Этому есть вполне очевидное объяснение. Так, основной массив информации о состоянии уголовной юстиции в дореволюционной России преимущественно черпался и продолжает черпаться из богатого литературного наследия известной русской профессуры конца XIX — начала XX в.: И. Я. Фойницкого, В. К. Случевского, Т. Г. Тальберга, Н. Н. Розина и др. Между тем никогда не обращалось внимания на жанр подавляющего большинства подобных публикаций. У автора настоящей статьи нет ни малейших намерений обесценить заслуги уважаемых ученых. Однако все-таки желательно помнить, что они, как правило, ограничивались написанием учебников и более развернутых курсов уголовного судопроизводства, т. е. литературы, в первую очередь адресованной студенческой аудитории, поэтому их позитивные отзывы о работе судебных следователей представляются вполне логичными и закономерными. К слову, в современных учебниках и даже фундаментальных курсах уголовно-процессуальной направленности применяется точно такой же подход: предусмотренным УПК РФ механизмам возбуждения и предварительного расследования уголовных дел тоже обычно даются позитивные или нейтральные оценки, тогда как критические отзывы высказываются в научных монографиях, статьях, диссертациях и т. п.

Вместе с тем альтернативные и не столь лестные оценки возникшей в 1860-е годы практики досудебного производства французского типа все же существовали. В частности, нам удалось обнаружить в Государственном архиве РФ (ГАРФ) достаточно интересный документ — датированную 19 (6) февраля 1918 г. пояснительную (как тогда говорили, объяснительную) записку сотрудников учрежденного всего несколькими неделями ранее Народного комиссариата юстиции РСФСР (Наркомюста) А. А. Шрейдера, Н. К. Змирлова Н. Ф. Тераевича, в которой обосновывалась неприемлемость сохранения в Советской России дореволюционного порядка предварительного расследования уголовных дел (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 166. Л. 38–42).

В связи с этим обратим особое внимание на то, что записка готовилась вовсе не большевиками — ее авторы были левыми социалистами-революционерами (эсерами), представлявшими гораздо более консервативную и умеренную во взглядах политическую силу. В результате коалиционных соглашений учрежденный после Октябрьской революции Наркомюст практически сразу перешел под контроль левозэсеровской партии; именно ее представители во многом и определяли вектор судеустройственных и судопроизводственных преобразований в первые месяцы советской государственности (Чучаев 2023, 12–19). Поэтому авторов записки вряд ли можно упрекнуть в приверженности к ленинскому призыву «не реформируя старый суд, сразу отдать его на слом» (Ленин 1974, 270). В вопросах юстиции левые

эсеры занимали гораздо более осторожные позиции — стремились максимально сохранить преемственность новых институтов советского права по отношению к законодательству Российской империи.

Однако по вопросам досудебного производства была высказана принципиально иная точка зрения: сохранение царской модели судебного следствия не представлялось возможным, тем более приемлемым, ни при каких условиях, а правоприменительная практика работы дореволюционного корпуса судебных следователей была признана извратившей саму суть судебной реформы 1860-х годов, не оправдавшей замыслов императора Александра II и его соратников-единомышленников. Говорилось, что в реальности не удалось добиться реализации ни одного из благих намерений реформаторов, в том числе непреложной независимости и самостоятельности судебных следователей с их процессуальной подконтрольностью лишь окружным судам, искоренения «гоголевской волокиты», «кривды», других извечных болезней национальной уголовной юстиции. И это несмотря на то, что двое из авторов записки, Н. К. Змирлов и Н. Ф. Тераевич, успели поработать судебными следователями в Санкт-Петербурге и Вологодской губернии соответственно.

Причины подобных неудач связывались в первую очередь с механизмами прокурорского надзора (как тогда говорили, наблюдения), в реальности превратившегося в средство подавления независимости и самостоятельности судебных следователей. Авторы записки были убеждены, что именно прокурорский надзор помешал дальнейшему развитию возникших в 1860-е годы и пронизанных идейно-общественным подъемом позитивных тенденций, изначально поспособствовавших воспитанию нового поколения следственных чиновников, достаточно сильно сблизившихся с народом, ставших буквально слугами народа, чем заслужили подлинный авторитет и уважение. Причем персональная ответственность за срыв судебной реформы в указанной части возлагалась на Н. В. Муравьева, занимавшего в 1894–1905 гг. пост генерал-прокурора империи, — отмечалось, что он стал инициатором «искажения Судебных уставов», в том числе появления полностью зависимых от прокуратуры исполняющих обязанности (как тогда говорили, исправляющих должности) судебных следователей, а также избираемых по формальным основаниям особо важных и важнейших судебных следователей, осуществлявших по поручению все того же генерал-прокурора расследование наиболее резонансных, в первую очередь политических уголовных дел.

В результате авторы пояснительной записки обратили внимание на снижение качества предварительного следствия, на возвращение «медлительности, волокиты и даже кривды», на целый ряд других наблюдаемых в работе российских судебных следователей деструктивных обстоятельств. Именно этим, по-видимому, и были вызваны предпринятые в первые месяцы существования советской государственности попытки замены единоличных следователей коллегиальными следственными комиссиями с возложением на них всей полноты ответственности за надлежащее расследование уголовных дел, включая самостоятельное составление «обвинительных постановлений» и передачу оконченных производством материалов в суд для рассмотрения по существу (Чучаев 2023, 167–170).

Конечно, нельзя полностью уповать на объективность и достоверность негативных оценок дореволюционной системы досудебного производства, высказанных уже после упразднения монархии представителями одной из некогда оппо-

зиционных политических партий, тем более что говорить о высокой компетентности авторов пояснительной записки, как и многих других лиц, пришедших во власть на волне революционных событий 1917 г., конечно, не приходится. К слову, их руководитель — начальник кодификационного отдела Наркомюста А. А. Шрейдер (1895 г. р.) — на тот момент едва достиг 23-летнего возраста! Другие авторы, хотя и были несколько старше и даже успели поработать судебными следователями, вероятно, тоже не обладали должными кругозором и опытом для претворения в жизнь столь резких суждений.

Вместе с тем высказанные позиции вполне могут стать хорошим подспорьем в развеивании мифа об абсолютном совершенстве и непогрешимости дореволюционной системы предварительного расследования французского типа, в том числе о непреложном профессионализме, исключительном правосознании и честности лиц, наделенных соответствующими государственно-властными полномочиями. Кроме того, они явно способствуют распознаванию очевидных параллелей к уразумению существования аналогичных, по сути, проблем в правоприменительной практике Российской империи и сегодняшней Российской Федерации: при ознакомлении с текстом пояснительной записки подчас создается впечатление, что она подготовлена не в 1918 г., а уже в наши дни и предполагает негативную оценку нынешних органов предварительного расследования и прокуратуры. В любом случае подобные позиции должны расцениваться как констатирующие целый ряд недостатков, присущих французской типовой модели досудебного производства, по крайней мере в ее русском воплощении, как предохраняющие от определенных рисков и опасностей полной реставрации таких механизмов в современных реалиях развития российской государственности.

3. Выводы

Рассмотрев все достоинства и недостатки французской типовой модели досудебного производства по уголовному делу, в частности преференции и изъяны правоприменительной практики использования подобных механизмов в дореволюционный период, можно смело заключить следующее. Ни современное российское общество, ни реалии современной российской государственности явно не предрасположены к дальнейшему развитию досудебной уголовной юстиции по классическим французским лекалам, в частности к реставрации некогда существовавшего корпуса специальных судебно-следственных чиновников, наделенных всей полномочиями, по крайней мере подавляющим большинством, «юрисдикционно-расследовательских» полномочий, в том числе способных формировать изначально пригодные к дальнейшему использованию в судебном заседании доказательства, давать правовую оценку (квалификацию) содеянного, выносить имеющие юридические последствия правоприменительные решения.

Реализация подобных идей может привести к целому ряду весьма негативных последствий, сводящихся к существенному утяжелению досудебного производства, к его еще большей бюрократизированности и неповоротливости, а также к повышению его затратности, т. е. необходимости выделения и расходования государством дополнительных бюджетных средств, требуемых для надлежащей организации и работы судебных следователей (следственных судей) и сотрудников их аппаратов.

Вместе с тем отказ законодателя от ряда еще присущих российской уголовной юстиции элементов французской типовой модели досудебного производства, в частности от концепции сильного, ответственного, вдумчивого, понимающего и справедливого следователя, призванного искать правду, устанавливать истину, т. е. осуществлять полное, всестороннее и объективное познание всех имеющих значение обстоятельств и одновременно заботиться о правах и интересах участвующих лиц, также представляется неконструктивным. Кстати, по этой же причине неприемлемыми для российского общества видятся немецкая и англосаксонская типовые модели досудебного производства (расследования), предполагающие резкое упрощение и удешевление познавательной деятельности за счет снижения публичных (читай — инквизиционных) начал, и, как следствие, полный либо частичный отказ от ответственности за обеспечение прав и интересов обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего, других вовлекаемых лиц.

В связи с этим оптимальным представляется дальнейшее развитие досудебной уголовной юстиции по возникшему середине XX в. особому, так сказать, национальному пути, предполагающему возложение «юрисдикционно-расследовательских» полномочий на внесудебные органы государственной власти, например на существующий с 2011 г. и уже доказавший жизнеспособность Следственный комитет РФ. Однако реализация подобных идей возможна лишь при условии непротиворечивости отдельных элементов планируемой модели досудебного производства, дифференциации несовместимых функций и полномочий соответствующих государственных органов и должностных лиц, в первую очередь четкого разграничения функций полиции и юстиции. В любом случае ясно: для претворения в жизнь таких замыслов потребуются существенные изменения принципов организации и функционирования органов предварительного следствия. Понадобится новая парадигма их работы схожая не столько с канонами деятельности правоохранительных ведомств полицейского типа, сколько с подходами к деятельности органов судебной власти.

Каковы должны быть эти подходы? В чем их достоинства и недостатки? Сколько времени, по оценкам автора, понадобится для их полноценного внедрения в российскую систему уголовной юстиции? К сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет дать исчерпывающих и развернутых ответов, поэтому их подробное рассмотрение и разрешение предполагаются в других публикациях автора.

Библиография

- Головкин, Л. В., ред. 2016. *Курс уголовного процесса*. М.: Статут.
- Давлетов, А. А., Н. В. Азаренок. 2023. *Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития*. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева.
- Ленин, В. И. 1974. *Полное собрание сочинений*. В 55 т. Т. 35: октябрь 1917 — март 1918. 5-е изд. М.: Политиздат.
- Росинский, С. Б. 2021. «Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: факторы формирования». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 621–642. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.309>
- Самарин, В. С., В. В. Луцки, ред. 2018. *Уголовный процесс европейских государств*. М.: Проспект.
- Смирнов, А. В. 2000. *Модели уголовного процесса*. СПб.: Альфа.

Контактная информация:

Россинский Сергей Борисович — д-р юрид. наук, проф., гл. науч. сотр.;
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>, s.rossinskiy@gmail.com

The system of pre-trial proceedings in the Russian criminal process: Is it necessary to return to the French standard model?

S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
10, ul. Znamenka, Moscow, 119019, Russian Federation

For citation: Rossinskiy, S. B. 2024. “The system of pre-trial proceedings in the Russian criminal process: Is it necessary to return to the French standard model?” *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 1012–1025. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.406> (In Russian)

The article analyzes the possibilities of reintroducing into national practice of preliminary investigation the already once applied “French” standard model of pre-trial proceedings, which is based on the distinction between the work of the police and the criminal procedural activities of special judicial investigative officials. The main advantages of this model are revealed in the modern realities of the existence of Russian society and Russian statehood. According to the author, this is a predisposition to the traditional needs of the majority of the population in the fight against crime, as well as the ability to overcome a number of doctrinal, legal and practical problems that arose due to the gradual Soviet transformations of the pre-revolutionary criminal justice system. At the same time, the shortcomings of such a model are explored. This is the severity, duration, high degree of bureaucracy and the high cost of maintaining and operating the judicial and investigative apparatus. In addition, the geographical and demographic characteristics of the Russian Federation are taken into account. And finally, the archival documents discovered by the author of the article are examined in detail, which indicate ambiguous and even very negative assessments of the practice of implementing similar mechanisms in the pre-revolutionary period. As a result, a conclusion is formulated: modern Russian society and the state are clearly not ready for the further development of pre-trial criminal justice according to classical French canons. In particular, there is no readiness to restore the corps of special judicial and investigative officials that existed in the Russian Empire, endowed with full, or at least the overwhelming majority, powers in the field of investigation of criminal cases. At the same time, it is argued that it is necessary to preserve certain elements of the French standard model of pre-trial proceedings.

Keywords: pre-trial proceedings, powers of the investigator, preliminary investigation, continental criminal process, investigator, investigative judge, forensic investigator, french pre-trial proceedings.

References

- Chuchaev A. I., ed. 2023. *Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922 — the first Soviet procedural Code (on the 100th anniversary of its adoption)*. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ. (In Russian)
- Davletov, A. A., N. V. Azarenok. 2023. *Criminal procedure in Russia: Historical roots, current state, prospects for evolutionary development*. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi iuridicheskii universitet imeni V. F. Iakovleva Publ. (In Russian)

- Golovko, L. V., ed. 2016. *Criminal procedure course*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Lenin, V.I. 1974. *Complete works*. In 55 books, book 35: October 1917 — March 1918. 5th ed., Moscow, Politizdat Publ. (In Russian)
- Rossinskiy, S.B. 2021. “The system of pre-trial proceedings in the criminal proceedings of the Russian Federation: Factors of formation”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 621–642. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.309> (In Russian)
- Samarin, V.S., V.V.Lutsik, eds. 2018. *Criminal procedure of European states*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Smirnov, A. V. 2000. *Models of criminal proceedings*. St. Petersburg, Al'fa Publ. (In Russian)

Received: February 15, 2024

Accepted: July 30, 2024

Author's information:

Sergei B. Rossinskiy — Dr. Sci. in Law, Professor, Chief Researcher;
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>, s.rossinskiy@gmail.com